

ЭПОХА ВЕЛИКИХ ПОТряСЕНИЙ: К СТОЛЕТИЮ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

DOI 10.15826/izv2.2017.19.3.039

УДК 930.2 + 94(47)“1917” + 323.27(47 + 57) +
+ 316.423.3

Л. Н. Мазур

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

ОТ ИСТОРИИ ОКТЯБРЯ К ИСТОРИИ РУССКОЙ РЕВОЛЮЦИИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ К ОЦЕНКЕ СОБЫТИЙ 1917 г.*

Столетний юбилей Революции 1917 г., перевернувшей историческую судьбу России, заставляет подвести определенные итоги ее изучения. В современной историографии представлены десятки авторских позиций, существенно отличающихся друг от друга. В зону дискуссии попадают базовые характеристики революции — ее хронологические рамки, характер, причины и результаты, движущие силы. Дискутируется и само понятие революции. Вместе с тем существуют дидактические потребности, связанные с преподаванием, которые предполагают необходимость согласования различных оценок рассматриваемого события.

В статье анализируются теоретические взгляды на Революцию 1917 г., которые опираются на различные методологические подходы, в том числе марксистский, цивилизационный, модернизационный, институциональный, синергетический, компаративный и проектный. В качестве историографических источников используются преимущественно обобщающие труды, ориентированные на типологический анализ событий революции.

При анализе историографических интерпретаций дискуссионных вопросов Революции 1917 г. автор предлагает использовать метод «согласования мнений экспертов», основанный на выявлении объективно возникающих точек пересечения мнений. Возможность такого согласования опирается на использование сходных познавательных процедур, основанных на дедуктивной или индуктивной логике суждений, а также выявление наиболее распространенных мнений.

---

* Тема поддержана грантом Российского научного фонда (проект № 16-18-10106 «Раннесоветское общество как социальный проект: идеи, механизмы реализации, результаты конструирования»).

Ключевые слова: Октябрьский переворот; Революция 1917 г.; Русская революция; хронологические рамки; характер; движущие силы; причины и цели революции.

В истории каждой страны есть события, к осмыслению которых исследователи будут обращаться снова и снова. Это поворотные моменты истории — революции, войны, реформы, — заложившие новый долговременный тренд развития общества и определившие его исторический путь. В российской истории к числу таких событий относится Революция 1917 г. и последовавшие за ней преобразования, которые послужили основой для формирования новой государственности и ментальности — того, что принято называть «советским обществом».

За прошедшие сто лет в России и за рубежом были опубликованы тысячи научных трудов, в которых авторы пытались найти ответы на вопросы о сущности Революции 1917 г. и произошедших в стране последующих трансформациях [см.: Современная российская историография, с. 26–70]. Причины, характер, хронологические рамки, движущие силы, итоги — все эти вопросы стали объектом явных и неявных дискуссий [см.: Нефедов; Миронов, 2013; О причинах русской революции; и др.].

В конечном счете, все многообразие оценочных суждений определяется методологической позицией исследователя и может быть сведено к нескольким базовым вариантам, отражающим особенности видения, фокус восприятия событий (см. прил. 1). Среди наиболее распространенных методологических подходов выделяются марксистский, модернизационный, институциональный, цивилизационный и синергетический [Миронов, 2014, с. 676]. Добавим к этому перечню еще компаративный и проектный подходы. Последний представляет особый интерес, так как основан на идеях социального проектирования, позволяющих получить еще одну версию событий революции.

В зависимости от используемых исследовательских стратегий, перечисленные выше методологические подходы можно классифицировать на *объективистские* (марксистский, модернизационный, цивилизационный); *субъективистские* (институциональный, синергетический и проектный) и *формализованные* (компаративный). Объективистские подходы ориентированы преимущественно на выявление закономерностей изучаемых явлений и процессов и отталкиваются от признания объективной природы причинности. Субъективистские подходы делают акцент на изучении роли случайности и субъективных факторов в истории. Компаративный подход опирается на технологии сравнительного анализа. В этом случае диагностика события строится на сходстве определенных характеристик, а причинно-следственные связи — на их повторяемости.

В данной статье для анализа историографических интерпретаций дискуссионных вопросов Революции 1917 г. предлагается использовать метод «согласования мнений экспертов», основанный на выявлении объективно возникающих точек пересечения мнений. Возможность такого согласования

опирается на использование сходных познавательных процедур, основанных на дедуктивной или индуктивной логике суждений.

Научное знание есть продукт конвертации индивидуальных (авторских) представлений в коллективное, признаваемое большинством мнение, которое транслируется системой образования, закладывая основы исторической памяти общества. На этом этапе актуализируется задача выбора наиболее обоснованной концепции. Однако это не всегда возможно, поскольку каждая из них имеет свою доказательную базу, подтвержденную фактами. Обычные приемы, опирающиеся на систему доказательств, в этой ситуации не срабатывают. Поэтому возникает необходимость разработки методов согласования различных исследовательских позиций, т. е. выявления наиболее распространенного мнения.

Советская историческая наука и революционный миф

Оценивая современную историографическую ситуацию, нельзя обойти вниманием советскую науку, которая занимает особое место в исторических интерпретациях Октября, поскольку на протяжении XX в. в значительной степени определяла модус восприятия данного события не только в СССР, но и за рубежом.

Анализируя этот феномен, необходимо учесть один важный момент: историческое исследование имеет свою логику и разворачивается в определенной последовательности: от описания события (реконструкции) к его теоретическому осмыслению, и далее к исследованию антропологических аспектов изучаемого явления, т. е. несобытийной истории (повседневность, ментальность, мифология и пр.). Революция 1917 г., в силу своей особой роли, изначально попала под принципиально другую схему исследования, которое отталкивалось не от задач исторической реконструкции, предполагающей формирование полной и объективной картины прошлого, а от политико-идеологической оценки революции, сформулированной в работах Ленина и Кратком курсе ВКП(б) [Ленин, т. 33; История ВКП(б)]. Сконструированный властью исторический миф имел черты научности, поскольку предполагал теоретическое обоснование причин, характера, движущих сил, последствий, всемирно-исторической роли пролетарской революции. Дальнейшее ее изучение шло по пути подгонки фактографического материала под заданную схему. В силу «перевернутой» логики исторических практик, отечественная наука оказалась в роли даже не автора, а транслятора революционного мифа [см.: Минц; История СССР...; и др.].

В соответствии с учением о революции К. Маркса и В. Ленина, в советской исторической науке были кодифицированы основные теоретические аспекты Октябрьской революции – цели, характер, движущие силы, значение (см. прил. 1). События 1917 г. делились на два этапа: Февральскую буржуазно-демократическую революцию (февраль-октябрь 1917 г.) и Великую Октябрьскую социалистическую революцию (25 октября / 7 ноября 1917 г. – ?). Что касается хронологических рамок Октябрьской революции, то в учебниках

и трудах советских историков обычно указывалась только дата начала революции – Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде, верхняя дата не уточнялась, что соответствовало представлениям о продолжении революции до момента построения коммунистического общества. В частности, В. Ленин определял период с 25 октября 1917 г. по 5 января 1918 г. как первый, *политический этап социалистической революции*, продолжением которой стали экономические преобразования, гражданская война, перевернувшие общество [см.: Ленин, т. 44, с. 102]. Вслед за ним в советской историографии утвердилось представление об Октябрьских событиях как начальном этапе революционных преобразований, заложивших фундамент «первого в мире пролетарского государства» [см.: Минц, т. 3, с. 856–860].

Таким образом, в советской историографии Октябрьская революция рассматривалась двояко: как событие, связанное с приходом к власти большевиков и формированием государства диктатуры пролетариата, и как процесс преобразования общества, начало которому положило Октябрьское вооруженное восстание. В постсоветский период в качестве вариантов верхней хронологической границы Октябрьского переворота стали указывать разные даты: формирования советского правительства – 26 октября / 8 ноября; разгона Учредительного собрания – 5 января 1918 г.; заключения Брестского мира – 3 марта 1918 г.; принятия Первой советской конституции – 10 июля 1918 г. и др. Однако, в марксистской литературе этот вопрос до сих пор остается открытым [см.: Афанасьев].

Начало 1990-х гг. ознаменовалось бурными теоретическими дискуссиями о сущности Октября, итогом которым подвел журнал «Вопросы истории», опубликовав статью П. В. Волобуева и В. П. Булдакова. Они сформулировали задачу создания *правдивой истории* Октября на основе тщательной реконструкции событий, ликвидации белых пятен, независимой оценки всех факторов и движущих сил революционного процесса и концентрации внимания на субъективно-психологических аспектах истории [см.: Волобуев, Булдаков, с. 31].

Таким образом, основным итогом развития советской исторической науки стало осознание того, что имеющееся знание истории Октября является неполным, мифологизированным, и перед историками встала задача кардинального переосмысления Революции, включающая параллельное решение сразу нескольких проблем: 1) реконструкция достоверной картины событий 1917 г. (событийная история); 2) их теоретическое осмысление, включая уточнение самого понятия «революция», ее родовидовых характеристик и параметров (хронологические рамки, движущие силы, цели, результаты и пр.); 3) создание несобытийной картины прошлого в ее антропологическом измерении (повседневность, ментальность, мифология и пр.). С решением последней задачи было связано формирование и развитие научного направления, получившего название «Человек и революция в XX веке» [см.: Будницкий; Нарский, 2001; Яров; и др.].

Заметное влияние на новую российскую историографию событий 1917 г. оказала зарубежная историческая наука. В первую очередь, следует отметить работу Р. Пайпса о Русской революции, имевшую широкий научный резонанс [Пайпс, 2005]. По его мнению, предпосылки Русской революции сформировались в далеком прошлом страны и были связаны с присущими русскому народу представлениями о собственности, власти, праве, справедливости [см.: Пайпс, 1993, с. 75]. Особенности национальной культуры, в том числе православное сознание, определяли мировоззрение российского общества, которое было не готово к восприятию либеральных ценностей западной культуры. Форсированная модернизация, развернувшаяся во второй половине XIX — начале XX в., привела к росту напряженности и социальных противоречий и в конечном итоге вылилась в Революцию 1917 г., а господствующее общинное сознание масс способствовало победе коммунистического выбора.

В целом, в зарубежной историографии утвердилось понимание революционных событий в России как уникального исторического опыта, определяемого цивилизационными особенностями России. Свой вклад в формирование нового взгляда на Революцию и раннесоветскую историю внесли работы Э. Карра, Н. Верта, Дж. Боффа и других зарубежных исследователей, многие из которых были переведены в России [см.: Боффа; Верт; Карр]. Своих сторонников нашли идеи П. Холквиста и Д. Санборна, в трудах которых Революция 1917 г. в России рассматривались как часть единого революционного европейского процесса [см.: Holquist; Sanborn]. По их мнению, революция в России и Гражданская война стали завершающей стадией кризиса, который начался задолго до 1917 г. и был связан с войнами начала XX в.

Антропологический портрет Русской революции был представлен в монографии О. Файджеса [см.: Figes], где революция раскрывается как драматическая серия событий, не контролируемых людьми. С другой стороны, подчеркивается закономерность формирования диктатуры и неспособность российского общества к демократическому развитию в 1917 г. Как и Р. Пайпс, он видит истоки трагедии в историческом прошлом России, слабости среднего класса и гражданских институтов и особенно в нищете и несправедливости крестьянства, ставшего основной движущей силой аграрной по своему характеру революции [Ibid., p. xii]. Интерес представляют и предлагаемые О. Файджесом хронологические рамки революционного процесса, которые открываются событиями 1891 г. — оформлением массового общественного движения против существующего строя — и заканчиваются в 1924 г. смертью Ленина. Таким образом, автор оценивает революцию как народную драму, всколыхнувшую основные социальные силы — крестьянство, рабочий класс, солдат и национальные меньшинства, ставших не только активными участниками революции, но и ее «жертвами».

В целом, идеи, представленные в зарубежной исторической литературе, были творчески восприняты российскими историками и активно использовались в интерпретациях событий 1917 г.

Современная российская историография в поиске объективных закономерностей и цивилизационных особенностей Революции 1917 г.

Проводя ревизию событий начала XX в., российские историки в 1990-е гг. в первую очередь обратились к цивилизационной теории, которая в дальнейшем была положена в основу учебного школьного курса и во многом формировала коллективное историческое сознание российского общества. Чуть позже, в начале 2000-х гг. большой интерес вызвали интерпретационные возможности теории модернизаций (см. прил. 1). Если в рамках *цивилизационного подхода* подчеркивался «русский» характер революционного взрыва и его обусловленность социально-культурной спецификой российского общества [см.: Ахиезер; Булдаков, 2010; Ионов; Семенникова, 2000; и др.], то в работах, написанных в русле *теории модернизации*, акцент ставился на многообразии форм и режимов перехода к индустриальному обществу. Революция в этом ряду рассматривалась как один из нежелательных вариантов перехода, сопровождающийся негативными последствиями, результаты которых трудно прогнозировать и микшировать [см.: Гавров; Миронов, 2014; Опыт российских модернизаций...].

Между тем, отличие цивилизационного и модернизационного подходов в оценке революционных событий во многом условно: и в том, и в другом случае внимание исследователей сосредоточено на специфике исторического пути российского общества, его уникальности; близки оценки причин и цели революции [см.: Цивилизационное своеобразие..., с. 38]. Наиболее заметное расхождение между цивилизационной и модернизационной концепциями Русской / Российской революции наблюдается в определении хронологических рамок революционных событий. Оно является следствием восприятия революции как ограниченного во времени события (цивилизационный подход) или как процесса (модернизационный подход).

В работах историков, написанных в русле *цивилизационного подхода*, хронологические рамки более узкие и ограничены, как правило, событиями 1917 — начала 1918 гг. (февраль 1917 г. — 5–6 января 1918 г.) [см.: Семенникова, 2000, с. 295–335], или верхняя хронологическая рамка отодвигается к 1922 г. — окончанию Гражданской войны [см.: Ахиезер, с. 315–343]. Общей чертой цивилизационных интерпретаций является восприятие событий 1917 г. как единого революционного демократического процесса, разбитого на ряд этапов.

В особую группу следует выделить работы историков-крестьяноведов [Бабашкин; Бухараев, Люкшин; Данилова, Данилов; Марченя, 2015; Шанин], в которых получила развитие идея *Русской аграрной революции*. Авторы подчеркивают крестьянский характер революционного процесса первой четверти XX в., а решение «аграрного вопроса» рассматривают в качестве основной его причины и результата. Хронологические рамки Крестьянской революции заметно шире, они охватывают период с 1902 по 1922 г., включая события Октября в качестве одного из эпизодов революционного процесса.

В трудах историков, интерпретирующих историю России в категориях *модернизации* (процессный подход), хронологические рамки рассматриваемых явлений также имеют тенденцию к расширению. Так, в одной из первых работ, посвященных характеристике российских модернизаций, хронологические рамки революционного процесса в России рассматриваются в границах всего XX в. [см.: Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]. Идею столетнего цикла революции, начало которому положили события 1905 г., выдвинул акад. В. В. Алексеев [см.: Опыт российских модернизаций...; Алексеев] и она нашла своих сторонников [см.: Эткинд]. Б. Н. Миронов придерживается взгляда на *Русскую революцию* как процесс, начало которому положила Первая мировая война (1914) и завершение которого связано с переломом в ходе Гражданской войны (1920) [см.: Миронов, 2012, с. 566].

В целом, исследования, проводимые в контексте объективистских подходов, имеют достаточно много сходных позиций, совпадая в оценке цели и задач революции, ее характера. Отличия заметны при определении хронологических рамок и движущих сил. Работы, написанные с использованием модернизационного и цивилизационного подходов в большей степени испытали влияние, с одной стороны, марксистской историографии, с другой — зарубежной литературы и предложенных в ней концептуальных схем.

О роли случайности и личности в истории Революции

Акцент на субъективных факторах заметен в работах историков, написанных с использованием идей синергетики и институционального подхода (см. прил. 1). Основные положения *синергетической теории* опираются на идею самоорганизующихся систем, в контексте которой социальные процессы рассматриваются как нелинейные, регулируемые механизмом бифуркаций и поэтому непредсказуемые [см.: Бородкин; Гомаюнов]. О необходимости использования синергетики для осмысления событий 1917 г. высказывался В. П. Булдаков [см.: Булдаков, 2012]. Хотя эта задача еще ждет своих исследователей, поскольку ее решение предполагает наличие достаточной информации, а также использование методов системного анализа, математический аппарат которых весьма сложен.

Думается, что синергетический подход наиболее адекватно раскрывает суть революции как особого состояния общества, находящегося в ситуации хаоса. Оно характеризуется взрывообразной активностью, в результате чего меняются качественные характеристики системы, т. е. революция — это «скачок», прерывание преемственности и постепенности в развитии, непосредственной причиной чего может быть любая случайность. Хотя существуют и объективные предпосылки хаотических состояний, например, война, выполняющая роль дестабилизатора общества; или голод, экономический кризис, экологическая катастрофа и прочие явления, способствующие кризису власти.

Хронологические рамки такого состояния общества оцениваются по совокупности системных характеристик (политических, экономических,

социально-психологических), соотносящихся с представлениями о стабильности / нестабильности. Этот критерий, в частности, был использован И. В. Нарским при обосновании верхней границы революционного процесса в России: голод 1921/1922 г., по его мнению, подавил в обществе сопротивление власти, т. е. фактически стабилизировал ситуацию [см.: Нарский, 2016, с. 286].

Характер и движущие силы революционных потрясений в контексте синергетики определяются на основе оценки значимости флуктуаций и выделения тех акторов, которые стали инициаторами «скачка». В 1917 г. эту роль сыграла РСДРП(б) и поддерживающие ее народные массы — армия, часть рабочего класса и революционно настроенная интеллигенция.

Интерес представляет концепция «модифицированных инверсионных циклов» истории России, предложенная А. С. Ахиезером [см.: Ахиезер, т. 1, с. 315–343]. В целом, его фундаментальный труд был написан в цивилизационном ключе и направлен на анализ особенностей исторического пути российской государственности, но теоретические выводы о циклических закономерностях развития российской цивилизации опираются на принципы системного анализа и соотносятся с основными идеями синергетики.

В качестве базового понятия, определяющего специфику российской истории, А. С. Ахиезер вводит определение инверсионного цикла, состоящего из двух процессов, последовательно сменяющих друг друга: прямого / государственнического и обратного / антигосударственного. Исторический маятник, по его мнению, связан с расколом общества и слабостью срединной культуры. Каждый новый поворот маятника характеризуется отрицанием предыдущего этапа и нередко оборачивается массовой гибелью людей, разрушением государства.

Революция соотносится А. С. Ахиезером с «катастрофой» и определяется как инверсионный поворот и высшая точка инверсии существующего порядка, нередко перерастающая в бунт. Хронологические рамки охватывают период с 1917 по 1922 г. Октябрьские события 1917 г. он охарактеризовал как традиционалистский взрыв, способствовавший архаизации общества. В этом автор «инверсионных циклов» близок к оценкам Б. Н. Миронова, по мнению которого Октябрьский переворот имел антимодернистский характер [см.: Миронов, 2014, с. 608].

Свой вклад в понимание внутренних механизмов революционных изменений вносит *институциональный подход*, успешно использованный А. Н. Медушевским при изучении причин падения демократии в России [см.: Медушевский]. Революция рассматривается им как механизм и процесс смены институтов власти (демократических / антидемократических), причиной которой выступает кризис власти и ошибки в политических решениях властных структур. Соответственно, основным инициатором и движущей силой революции являются партии и политические элиты, они стремятся к захвату власти. События 1917 г. А. Н. Медушевский характеризует как демократическую революцию, завершившуюся антидемократическим государственным переворотом, и выделяет две фазы революционного процесса, оперируя хронологическими рамками:

февраль-октябрь 1917 г. и, собственно, Октябрьский переворот (25 октября 1917 г.). В целом, институциональный подход фокусирует внимание на основных политических акторах революционного процесса — партиях и политических элитах, в чем пересекается с другими субъективистскими методологиями, в том числе с синергетическим и проектным подходами.

В условиях антропологического поворота вполне закономерным является обращение к *теориям социального проектирования* и понятию «социальный проект» как концепту, позволяющему переосмыслить феномен Революции 1917 г. и раннесоветского общества, взглянуть на них как на результат целенаправленной деятельности людей, движимых социалистической идеей, мифологически преломленной в их сознании.

Впервые в российской историографии эти идеи были озвучены в работе Д. А. Волкогонова, посвященной личности В. И. Ленина, где автор изложил свое видение Октябрьской революции как успешной реализации «коварного плана» крайне экстремистской партии большевиков во имя корыстных целей захвата власти [см.: Волкогонов]. Тогда — в середине 1990-х гг. — этот тезис не получил широкой поддержки. Но сегодня, по прошествии почти 25 лет, исследователи вновь возвращаются к этой идее в поисках нового взгляда на события столетней давности [см.: Семенникова, 2015; Фурсов].

Интерес к проектному подходу как методологической основе исторических интерпретаций отчетливо проявился в зарубежной историографии в 1990-е гг. [см.: Benford, Hant; Obertreiss; Plaggenborg; Скотт; Davis, Harris и др.]. О. Файджес в своей монографии, посвященной Российской революции, подчеркнул, что она запустила самый грандиозный в истории человечества эксперимент в области социальной инженерии. Его провал стал результатом утопичности коммунистической идеи и неготовности России в 1917 г. к реализации демократического выбора [Figes, p. 823].

Применение методологии проектного подхода меняет наши представления о причинах, характере, движущих силах и задачах Русской революции 1917 г. Хронологические рамки революции в этом случае соотносятся с основными этапами проектирования: начало реализации проекта положил II съезд РСДРП (1903), принявший программу партии и определивший ее стратегическую задачу — завоевание политической власти и осуществление «социальной революции» [см.: Программа РСДРП]. На достижение поставленной цели большевикам потребовалось почти 15 лет. Важнейшим условием реализации этого проекта было создание партии — «боевой» организации, которая не столько готовила революцию, сколько ждала «удобный момент», и, используя нарастающее недовольство войной и социальную напряженность в обществе, путем военного переворота захватила власть.

Основной движущей силой Октябрьского переворота была Красная гвардия и деморализованная поражениями в войне армия. Успех военного переворота во многом определялся личностью В. Ленина и его окружения (Л. Троцкий, А. Рыков, Л. Каменев и др.), которые обладали качествами харизматических

лидеров и были способны повести за собой народные массы, дезориентированные войной, Февральской революцией и стремящиеся к стабильности.

Таким образом, проектный подход так же, как и институциональная и синергетическая теории, обращает внимание исследователей на субъективные факторы исторического процесса и позволяет охарактеризовать их роль, проследить влияние на направленность, динамику, а в некоторых случаях на природу исторических явлений.

О пользе сравнения как аналитической процедуры

Идея сравнительного анализа событий Русской и Великой Французской революции была высказана А. В. Гордоном и позднее реализована В. А. Космачом [см.: Гордон; Космач]. В целом, опыт компаративного анализа событий Русской революции любопытен, но не более того, поскольку ориентирован преимущественно на внешние параметры сравнения разных по своей сути революционных процессов. В результате, при характеристике самого понятия «революция», ее целей, характера, движущих сил, наблюдается попытка компилятивного в методологическом плане, формализованного анализа. Так, понятие «революция» определяется В. А. Космачом в ключе, близком к субъективистским методологическим подходам, как антигосударственный переворот, организованный контрэлитой при активном участии народных масс. Цели, причины и движущие силы *Великой Русской революции* видятся в объективистском ракурсе: цель — модернизация общества; причины и предпосылки — кризис власти; противоречия элит; кризис благосостояния; движущие силы — крестьянство, разночинная интеллигенция и чиновничество.

По аналогии с Великой Французской революцией автор предлагает построить периодизацию Великой Русской революции и выделяет следующие этапы: буржуазно-конституционный (февраль-октябрь 1917 г.); буржуазно-демократический (октябрь 1917–1922 г.); сталинский директорат (1923–1929); консульство Сталина (1930–1938). Как итог сравнительного анализа звучит вывод о буржуазно-демократическом характере революции в России.

Выводы

Подводя итог краткому обзору основных методологических подходов, используемых в российской исторической науке, следует отметить их влияние на разнообразие оценочных суждений о Русской революции и событиях 1917 г., а также осознание особой роли субъективных и случайных факторов на переломных этапах исторического развития. Кроме того, можно отметить взаимную миграцию понятий и категорий различных концепций при характеристике революционных процессов в России, что осложняет историографический анализ. Чаще всего такое смешение наблюдается в цивилизационных и модернизационных интерпретациях, а также распространяется на системный подход. Причем

синергетическая парадигма имеет все шансы выступить в качестве интеграционной площадки авторских концепций, поскольку опирается на методы системного анализа, востребованные историками. Это нашло отражение в концепциях революции Б. Миронова, А. Ахиезера, В. Булдакова и др., которые достаточно сложно оценить однозначно с точки зрения используемой методологии.

Одно из правил проверки достоверности итогов научного исследования гласит: если одинаковый результат получен разными методами, это свидетельствует о его надежности. Несмотря на существенные расхождения по базовым типологическим параметрам революции, тем не менее, можно говорить о наличии точек пересечения, которые позволяют сформулировать обобщенное мнение. В исследованиях историков чаще всего: 1) подчеркивается цивилизационное своеобразие *Русской революции*; 2) цель определяется в контексте модернизации общества; 3) в качестве основных причин революции выделяется борьба политических элит и влияние Первой мировой войны, спровоцировавшей кризис власти; 4) движущие силы / акторы революции представлены политическими элитами, партиями, а также народными массами, вовлеченными в вооруженную борьбу (армия, добровольные вооруженные отряды — Красная гвардия и пр.); 5) характер Революции определяется через понятие «вооруженный переворот». Что касается хронологических рамок, то в большинстве работ современных историков прослеживается тенденция датировать революционные события рамками 1917–1922 гг., включая в качестве отдельных этапов Февральскую буржуазно-демократическую революцию, Октябрьский переворот и Гражданскую войну.

Следует отметить также заметное влияние советской и зарубежной историографии на типологическую диагностику событий 1917 г. В частности, для российской исторической науки сохраняет актуальность учение о революционной ситуации и расширительное представление о Русской революции как о *процессе* преобразования общества, начало которому положило Октябрьское вооруженное восстание. Воздействие зарубежной историографии проявилось, во-первых, в понимании революционных событий в России как уникального исторического опыта, определяемого ее цивилизационными особенностями; во-вторых, в признании роли Первой мировой войны, которая стала причиной глобального кризиса, положившего начало европейскому революционному процессу, частью которого стала Россия.

Приложение. Революция 1917 г. в оценках современных российских исследователей

Дискуссионные вопросы	Методологические подходы						
	Цивилизационный [Семенникова, 2000; Ионов, с. 302–315; Марченя, 2012]	Модернизационный [Миронов, 2012, с. 566; Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]	Компаративный [Космач]	Проектный	Марксистский [История ВКП(б), с. 168–203; Минц; ФЭС]	Синергетический [Гомаюнов; Ахиезер, с. 315–343]	Институциональный [Медушевский]
Определение понятия «революция»	Внезапное, насильственное изменение существующего общественно-политического строя, противоположность эволюции, постепенному изменению	Одна из форм перехода от традиции к модерну, сопровождающаяся насилием и вооруженной борьбой, результат конфликта традиции и современности	Антигосударственный переворот, организованный контрэлитой, находящейся в оппозиции, при активном участии народных масс и части правящей элиты (фронды), направленный против правящего режима, оказавшегося в кризисе и конфликтной ситуации с обществом	Социальный проект, основная цель которого — захват власти партией большевиков для реализации задачи создания государства диктатуры пролетариата и строительства коммунизма	Способ перехода от исторически изжившей себя общественно-экономической формации к более прогрессивной, коренной качественной переворот во всей социально-экономической структуре общества; открытая и наиболее острая форма классовой борьбы [ФЭС]	<ul style="list-style-type: none"> Особое состояние системы в точке бифуркации, характеризующее резким всплеском, бурными возмущениями, взрывообразной активностью, в результате чего она изменяет свои качественные, сущностные, целостные определенности; «скачок», разрыв постепенности в изменениях; Инверсионный поворот и высшая точка инверсии существующего порядка, нередко перерастающая в бунт [Ахиезер] 	Механизм смены институтов власти (демократических / антидемократических)

Дискуссионные вопросы	Методологические подходы						
	Цивилизационный [Семенникова, 2000; Ионов, с. 302–315; Марченя, 2012]	Модернизационный [Миронов, 2012, с. 566; Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]	Компаративный [Космач]	Проектный	Марксистский [История ВКП(б), с. 168–203; Минц; ФЭС]	Синергетический [Гомаюнов; Ахиезер, с. 315–343]	Институциональный [Медушевский]
Цель	Модернизация общества	<ul style="list-style-type: none"> Свержение буржуазного строя, уничтожение феодальных пережитков; Модернизация страны в контексте социалистических преобразований (В. Алексеев); Антимодернистская (Б. Миронов) 	Свержение монархии, модернизация общества	Захват власти партией и реализация задач социальной революции (уничтожение эксплуататоров)	Социально-экономические преобразования, создание нового коммунистического общества	Захват власти контрэлитой	Захват власти контрэлитой
Название	Русская революция / Русская крестьянская революция / Революция 1917 г.	Российская революция	Великая Русская революция	Пролетарская революция	Великая Октябрьская социалистическая революция	Октябрьский переворот	Февральская революция и Октябрьский переворот

Дискуссионные вопросы	Методологические подходы						
	Цивилизационный [Семенникова, 2000; Ионов, с. 302–315; Марченя, 2012]	Модернизационный [Миронов, 2012, с. 566; Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]	Компаративный [Космач]	Проектный	Марксистский [История ВКП(б), с. 168–203; Минц; ФЭС]	Синергетический [Гомаюнов; Ахиезер, с. 315–343]	Институциональный [Медушевский]
Причины	<ul style="list-style-type: none"> • противоречия модернизации; • обострение социальных противоречий в результате мировой войны 	<ul style="list-style-type: none"> • системный кризис; • перекосы в результате форсированной модернизации; • рост социальной напряженности в результате Первой мировой войны; • борьба за власть между разными группами элит 	Потребность в модернизации. Предпосылки: <ul style="list-style-type: none"> • кризис власти, • противоречия элит; • кризис благосостояния; • существование оппозиционной идеологии, оправдывающей захват власти и поддержанной массами 	<ul style="list-style-type: none"> • борьба за власть политических элит; • утопические идеи 	Антагонистические противоречия между трудом и капиталом; колониями и метрополиями; властью и народными массами. Революционная ситуация (кризис власти; обнищание масс)	<ul style="list-style-type: none"> • нестабильность системы (государственного строя России) в результате войны; • раскол общества в культурном, хозяйственном, социальном плане (Ахиезер) 	Нестабильность власти, ошибки в политических решениях
Движущие силы	<ul style="list-style-type: none"> • народные массы – часть рабочего класса, армия, крестьянство • крестьянство (Ахиезер, Данилов и др.) 	Социальные группы – носители модернизационной тенденции (буржуазия, мелкобуржуазные слои, интеллигенция)	Крестьянство, разночинная интеллигенция, чиновничество	Партия, армия, подержанные частью рабочих и разночинной интеллигенции	Пролетариат в союзе с крестьянством	Партия большевиков как случайный фактор и поддерживающие ее народные массы	Партии, партийные элиты

Дискуссионные вопросы	Методологические подходы						
	Цивилизационный [Семенникова, 2000; Ионов, с. 302–315; Марченя, 2012]	Модернизационный [Миронов, 2012, с. 566; Опыт российских модернизаций..., с. 66–72]	Компаративный [Космач]	Проектный	Марксистский [История ВКП(б), с. 168–203; Минц; ФЭС]	Синергетический [Томаюнов; Ахиезер, с. 315–343]	Институциональный [Медушевский]
Характер	<ul style="list-style-type: none"> • демократический; • аграрный / крестьянский 	В зависимости от этапа характер меняется: 1) буржуазно-демократический (1905 — октябрь 1917 г.); 2) социалистический (октябрь 1917 — 1980-е гг.).	Буржуазно-демократический	Военный переворот	Пролетарский / социалистический	<ul style="list-style-type: none"> • политический переворот с целью захвата власти; • традиционалистский взрыв, способствовавший архаизации общества (Ахиезер) 	Демократическая революция, завершившаяся антидемократическим государственным переворотом
Хронологические рамки	<ul style="list-style-type: none"> • 1917 г.; • 1902–1922 гг.; • 1917–1922 гг. 	<ul style="list-style-type: none"> • 1905–1980-е гг.; • 1914–1922 гг.; • 1917–1922 гг. 	1917–1922 (–1938) гг. 4 этапа: • буржуазно-конституционный; • буржуазно-демократический; • сталинский директорат; • консульство Сталина	1903–1917 гг. проект «Революция»; 1917–1923 гг.: революционный этап советского проекта	<ul style="list-style-type: none"> • февраль-октябрь 1917 г.: февральская буржуазно-демократическая революция; • 24/25 октября 1917 — февраль 1918 г.: Октябрьская социалистическая революция 	1917–1922 гг.	<ul style="list-style-type: none"> • февраль-октябрь 1917г.: Февральская революция; • 25 октября 1917 г.: Октябрьский переворот

Источники

Программа РСДРП – Программа Российской Социал-демократической Рабочей партии (РСДРП). [Электронный ресурс]. URL: [http://mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/Программа_Российской_Социал_-_Демократической_Рабочей_партии_\(РСДРП\)](http://mysteriouscountry.ru/wiki/index.php/Программа_Российской_Социал_-_Демократической_Рабочей_партии_(РСДРП)) (дата обращения: 20.06.2017).

Исследования

Алексеев В. В. Столетняя революция в России // Марксизм: история и современность. Первый китайско-русский форум. Пекин, 20–21 ноября 2006 г. Пекин : [б. и.], 2006. С. 27–34.

Афанасьев Ю. Н. Трагедия победившего большинства. Размышления об отечественной истории и ее интерпретация [Электронный ресурс] // Новая газ. 22 окт. 2007. URL: <http://www.yurii-afanasiev.ru/tragedy.html> (дата обращения: 21.06.2017).

Ахиезер А. С. Россия: Критика исторического опыта: От прошлого к будущему : в 2 т. 2-е изд. Новосибирск : Сиб. хронограф, 1997–1998.

Бабашкин В. В. Два большевизма, или Место Октября в Русской революции // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 36–58.

Бородкин Л. И. «Порядок из хаоса»: концепция синергетики в методологии исторических исследований // Новая и новейшая история. 2003. № 2. С. 107–114.

Бюффа Дж. История Советского Союза : в 2 т. 2-е изд. М. : Междунар. отношения, 1994.

Будницкий О. В. Терроризм в российском освободительном движении: идеология, этика, психология (вторая половина XIX — начало XX в.). М. : РОССПЭН, 2000.

Булдаков В. П. Красная смута: природа и последствия революционного насилия. 2-е изд. М. : РОССПЭН, 2010.

Булдаков В. П. Революция и мифотворчество: коллизии современного исторического воображения // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 59–81.

Бухараев В. М., Люкин Д. И. Российская Смута начала XX в. как общинная революция // Историческая наука в меняющемся мире. Вып. 2 : Историография отечественной истории / В. В. Астафьев и др. Казань : КГУ, 1994. С. 154–160.

Верт Н. История советского государства. 1900–1991. 2-е изд. М. : ИНФРА-М, 1998.

Волоконов Д. А. Ленин: политический портрет : в 2 кн. М. : Новости, 1994.

Волобуев П. В., Булдаков В. П. Октябрьская революция: новые подходы к изучению // Вопр. истории. 1996. № 5–6. С. 28–38.

Гавров С. Н. Модернизация во имя империи: Социокультурные аспекты модернизационных процессов в России. М. : Едиториал УРСС, 2004.

Томаюнов С. Г. Композиционный метод в историческом познании. М. : МГУ, 1994.

Гордон А. В. Революционная традиция в сравнительно-исторической перспективе (Россия — Франция — Россия) // Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 82–107.

Данилова Л. В., Данилов В. П. Крестьянская ментальность и община // Менталитет и аграрное развитие России : материалы междунар. конф. / В. П. Данилов, Л. В. Милов. М. : РОССПЭН, 1996. С. 22–39.

Ионов И. Н. Российская цивилизация IX — начала XX века : учебник для 10–11 классов. М. : Просвещение, 1995.

История ВКП(б) — История Всесоюзной Коммунистической Партии (большевиков). Краткий курс / под ред. комиссии ЦК ВКП(б). М. : Гос. изд-во полит. литературы, 1938.

История СССР с древнейших времен до наших дней : в 12 т. Т. 7–9 / ред. Б. Н. Пономарев, В. М. Хвостов. М. : Наука, 1966–1980.

Карр Э. Х. История Советской России : в 14 т. Кн. 1. Т. 1–2 : Большеви́стская революция 1917–1923. М. : Прогресс, 1990.

Космач В. А. Великая русская революция 1917–1922 года и ее последствия: опыт сравнительно-исторического анализа // *Метаморфозы истории*. 2014. № 5. С. 391–423.

Ленин В. И. Государство и революция // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 33. М. : Изд-во полит. литературы, 1969. С. 1–120.

Ленин В. И. Новые времена, старые ошибки в новом виде // Ленин В. И. Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 44. М. : Изд-во полит. литературы, 1970. С. 101–109.

Марченя П. П. Бессмысленность и смысл Русской революции: Февраль и Октябрь в истории России // *Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории* : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 194–219.

Марченя П. П. Крестьянское сознание как доминанта Русской революции // *Науч. диалог*. 2015. № 12 (48). С. 303–315.

Медушевский А. Н. Причины и крушение демократической республики в России 1917 года // *Отеч. история*. 2017. № 6. С. 3–27.

Миц И. И. История Великого Октября : в 3 т. 2-е изд. М. : Наука, 1977–1979.

Миронов Б. Н. Благополучие населения и революции в имперской России XVIII — начала XX века. М. : Весь мир, 2012.

Миронов Б. Н. Страсти по революции: нравы в российской историографии в век информации. М. : Весь мир, 2013.

Миронов Б. Н. Российская империя: от традиции к модерну : в 3 т. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014.

Нарский И. В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922 гг. М. : РОССПЭН, 2001.

Нарский И. В. Когда и чем закончилась революция на Урале, или Был ли НЭП в регионе? // 1917 год в России: социалистическая идея, революционная мифология и практика : сб. науч. тр. / под ред. О. С. Поршневой, Л. Н. Мазур. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2016. С. 280–287.

Нефедов С. А. Аграрные и демографические итоги русской революции. Екатеринбург : Изд-во УГГУ, 2009.

О причинах русской революции / отв. ред. Л. Е. Гринин, А. В. Коротаев, С. Ю. Малков. М. : Изд-во ЛКИ, 2010.

Опыт российских модернизаций XVIII–XX века / отв. ред. В. В. Алексеев. М. : Наука, 2000.

Пайтс Р. Россия при старом режиме. М. : Независимая газета, 1993.

Пайтс Р. Русская революция : в 2 т. М. : Захаров, 2005.

Семенникова Л. И. Россия в мировом сообществе цивилизации. Брянск : Курсив, 2000.

Семенникова Л. И. В поисках теоретических инструментов: советский проект // *Вестн. Моск. ун-та. Сер. 21 : Управление (государство и общество)*. 2015. № 2. С. 3–15.

Скотт Дж. Благими намерениями государства. Почему и как проваливались проекты улучшения человеческой жизни. М. : Университетская книга, 2005.

Современная российская историография : в 2 ч. / под ред. В. И. Меньковского. Минск : РИВШ, 2009. Ч. 1.

ФЭС — Философский энциклопедический словарь / под ред. Л. Ф. Ильичева, П. Н. Федосеева и др. М. : Сов. энциклопедия, 1983.

Фурсов А. И. Народ, власть и смута в России: размышления на полях одной дискуссии // *Россия и революция: прошлое и настоящее системных кризисов русской истории* : сб. науч. ст. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М. : ООО «АПР», 2012. С. 220–263.

Цивилизационное своеобразие российских модернизаций XVIII–XX вв.: пространственно-временной аспект / В. В. Алексеев, Е. В. Алексеева, Е. Т. Артёмов и др. Екатеринбург : УрО РАН, 2011.

Шанин Т. Революция как момент истины. Россия 1905–1907–1917–1922 гг. М. : Весь мир, 1997.

Эткинд А. Столетняя революция: юбилей начала и начало конца [Электронный ресурс] // Отеч. записки. 2004. № 5. URL: <http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revolyuciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konca#t2> (дата обращения: 20.06.2017).

Яров С. В. Конформизм в Советской России: Петроград 1917–1920-х годов. СПб. : Европейский дом, 2006.

Benford R. D., Hunt S. A. Dramaturgy and Social Movements: The Social Construction and Communication of Power // Sociological Inquiry. 1992. Nr. 62. P. 35–55.

Davies S., Harris J. Stalin's World, Dictating the Soviet Order. New Haven : Yale Univ. Press, 2014.

Figes O. A People's Tragedy. The Russian Revolution. London : The Bodley Head, 2014.

Holquist P. Making War, Forging Revolution. Russia's continuum of crisis, 1914–1921. Cambridge, MA ; London : Harvard Univ. Press, 2002.

Obertreiss J. Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie, 1917–1937. Köln : Böhlau Verlag, 2004.

Plaggenborg S. Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrussland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus. Köln : [u. a.], 1996.

Sanborn J. Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925. DeKalb : Northern Illinois Univ. Press, 2003.

Статья поступила в редакцию 25.06.2017

Мазур Людмила Николаевна

доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой документоведения,
архивоведения и истории
государственного у правления
Уральский федеральный университет
620000, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4
E-mail: Lmaz@mail.ru

Mazur, Ludmila Nikolaevna

Dr. Hab. (History), Associate Professor,
Head of the Department of Document
Management, Archives and History
of Public Administration
Ural Federal University
4, Turgenev Str., 620000 Yekaterinburg, Russia
Email: Lmaz@mail.ru

FROM THE HISTORY OF OCTOBER TO THE HISTORY OF THE RUSSIAN REVOLUTION: A COMPARATIVE ANALYSIS OF METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE ASSESSMENT OF THE EVENTS OF 1917

The centenary of the Revolution of 1917, which radically changed the historical destiny of Russia, calls for conclusions regarding certain results of its study. In modern historiography, there are dozens of opinions on the matter, which significantly differ from each other. Scholars focus on the basic characteristics of the Revolution – its chronological frameworks, character, causes and results, driving forces, etc. The very notion of revolution is also under consideration. However, there are didactic needs related to teaching, which imply the need to harmonise the existing assessments of the event in question.

The article analyses theoretical views on the Revolution of 1917, which rely on various methodological approaches, including the Marxist, civilisational, modernisational, institutional, synergetic, comparative, and projective ones. The author analyses the events of the Revolution relying mainly on historiographic resources of a summarising nature based on a typological analysis of the events.

When analysing the historiographic interpretations of the debatable questions of the 1917 Revolution, the author suggests using the method of adjustment of opinions, based on the identification of objectively arising points of overlapping opinions. The possibility of such adjustments rests on the use of similar cognitive procedures based on the deductive or inductive logic of judgments, and also on the basis of frequency of the most widespread opinions.

Key words: October Revolution; Revolution of 1917; Russian Revolution; chronological framework; character; driving forces; causes and objectives of the revolution.

Acknowledgements

The research is supported by a grant from the *Russian Science Foundation* (Project 16-18-10106 “Early Soviet Society as a Social Project: Ideas, Implementation Mechanisms, Results of Constructing”).

Afanasyev, Yu. N. (2007, 22 October). Tragediya pobedivshogo bol'shinstva. Razmyshleniya ob otechestvennoj istorii i ee interpretacii [The Tragedy of the Winning Majority. Reflections about Russian History and Its Interpretation]. *Novaya gazeta*. Retrieved from: <http://www.yuri-afanasiev.ru/tragedy.html>. (In Russian)

Ahizer, A. S. (1997–1998). *Rossiya: Kritika istoricheskogo opyta: Ot proshlogo k budushchemu* [Russia: Criticism of Historical Experience: From Past to Future] (Vols. 1–2). 2nd ed. Novosibirsk: Sibirskij hronograf. (In Russian)

Alekseev, V. V. (2006). Stoletnyaya revolyuciya v Rossii [A Century-long Revolution in Russia]. In *Marksizm: istoriya i sovremennost'* [Marxism: History and Modernity]. Pervyj kitajsko-rossijskij forum; Pekin, 20–21 noyabrya 2006 g. (pp. 27–34). Pekin. (In Russian)

Alekseev, V. V. (Ed.). (2000). *Opyt rossijskikh modernisacij XVIII–XX veka* [Experience of Russian Modernisation between the 18th and 20th Centuries]. Moscow: Nauka. (In Russian)

Alekseev, V. V., Alekseeva, E. V., & Artyomov, E. T. (2011). *Civilisacionnoe svoeobrazie rossijskikh modernisacij XVIII–XX vv.: prostranstvenno-vremennoj aspekt* [Civilisational Peculiarities of the Russian Modernisation of the 18th – 20th Centuries: The Space-time Aspect]. Yekaterinburg: UrO RAN. (In Russian)

Babashkin, V. V. (2012). Dva bol'shevizma, ili Mesto Oktyabrya v Russkoj revolyucii [Two Bolshevisms, or the Place of October in the Russian Revolution]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin (Eds.), *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii*: sb. nauch. st. [Russia and the Revolution: The Past and Present of the Systemic Crises of Russian History] (pp. 36–58). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Benford, R. D., & Hunt, S. A. (1992). Dramaturgy and Social Movements: The Social Construction and Communication of Power. *Sociological Inquiry*, 62, 35–55.

Boffa, J. (1994). *Istoriya Sovetskogo Soyuza* [The History of the Soviet Union] (Vols. 1–2). 2nd ed. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya. (In Russian)

Borodkin, L. I. (2003). «Poryadok iz haosa»: koncepciya sinergetiki v metodologii istoricheskikh issledovanij [“Order from Chaos”: The Concept of Synergy in the Methodology of Historical Research]. *Novaya i novejschaya istoriya*, 2, 107–114. (In Russian)

Budnickij, O. V. (2000). *Terrorizm v rossijskom osvoboditel'nom dvizhenii: ideologiya, ehtika, psihologiya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Terrorism in the Russian Liberation Movement: Ideology, Ethics, Psychology (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Buharaev, V. M., & Lyukshin, D. I. (1994). Rossijskaya Smuta nachala XX v. kak obshchinnaya revolyuciya [The Russian Times of Trouble of the Early 20th Century as a Communal Revolution]. In V. V. Astafyev (Ed.), *Istoricheskaya nauka v menyayushchemysya mire* [Historical Science

in a Changing World] (Iss. 2: Istoriofografiya otechestvennoj istorii [A Historiography of Russian History] (pp. 154–160). Kazan: KGU. (In Russian)

Buldakov, V. P. (2010). *Krasnaya smuta: priroda i posledstviya revolyucionnogo nasiliya* [Red Disturbance: The Nature and Consequences of Revolutionary Violence]. 2nd ed. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Buldakov, V. P. (2012). Revolyuciya i mifotvorchestvo: kollizii sovremennogo istoricheskogo voobrazheniya [Revolution and Myth-making: Collisions of Modern Historical Imagination]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin (Eds.), *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii*: sb. nauch. st. [Russia and the Revolution: The Past and Present of the Systemic Crises of Russian History] (pp. 59–81). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Daniilova, L. V., & Danilov, V. P. (1996). Krest'yanskaya mental'nost' i obshchina [Peasant Mentality and Community]. In V. P. Danilov, & L. V. Milov (Eds.), *Mentalitet i agrarnoe razvitie Rossii: materialy mezhdunarodnoj konf.* [The Mentality and Agrarian Development of Russia] (pp. 22–39). Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Davies, S., & Harris, J. (2014). *Stalin's World, Dictating the Soviet Order*. New Haven: Yale University Press.

Etkind, A. (2004). Stoletnyaya revolyuciya: yubiley nachala i nachalo konca [A Hundred Year Revolution: The Anniversary of the Beginning and the Beginning of the End]. *Otechestvennye zapiski*, 5. Retrieved from <http://www.strana-oz.ru/2004/5/stoletnyaya-revolyuciya-yubiley-nachala-i-nachalo-konca#t2>. (In Russian)

Figes, O. (2014). *A People's Tragedy. The Russian Revolution*. London: The Bodley Head.

Fursov, A. I. (2012). Narod, vlast' i smuta v Rossii: razmyshleniya na polyah odnoj diskussii [People, Power, and Troubles in Russia: Reflections in the Fields of One Discussion]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin (Eds.), *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii*: sb. nauch. st. [Russia and the Revolution: The Past and Present of the Systemic Crises of Russian History] (pp. 220–263). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Gavrov, S. N. (2004). *Modernisatsiya vo imya imperii: Sociokul'turnye aspekty modernisatsionnyh processov v Rossii* [Modernisation in the Name of the Empire: Sociocultural Aspects of Modernisation Processes in Russia]. Moscow: Editorial URSS. (In Russian)

Gomayunov, S. G. (1994). *Kompozicionnyj metod v istoricheskom poznanii* [Compositional Method in Historical Knowledge]. Moscow: MGU. (In Russian)

Gordon, A. V. (2012). Revolyucionnaya tradiciya v sravnitel'no-istoricheskoy perspektive (Rossiya – Franciya – Rossiya) [A Revolutionary Tradition in a Comparative Historical Perspective (Russia – France – Russia)]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin (Eds.), *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnyh krizisov russkoj istorii*: sb. nauch. st. [Russia and Revolution: The Past and Present of System Crises of Russian History] (pp. 82–107). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Grinin, L. E., Korotaev, A. V., & Malkov, S. Yu. (Eds.). (2010). *O prichinah russkoj revolyucii* [On the Causes of the Russian Revolution]. Moscow: Izd-vo LKI. (In Russian)

Holquist, P. (2002). *Making War, Forging Revolution. Russia's Continuum of Crisis, 1914–1921*. Cambridge, MA; London: Harvard University Press.

Il'icheva, L. F., & Fedoseeva, P. N. (Eds.). (1983). *Filosofskij ehnciklopedicheskij slovar'* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow: Sovetskaya ehnciklopediya. (In Russian)

Ionov, I. N. (1995). Rossijskaya civilizatsiya IX – nachala XX veka: uchebnik dlya 10–11 klassov [The Russian Civilisation between the 9th and the Early 20th Centuries]. Moscow: Prosveshchenie. (In Russian)

Istoriya Vsesoyuznoj Kommunisticheskoy Partii (bol'shevikov). Kratkij kurs [The History of the All-Union Communist Party (Bolsheviks). Short Course]. (1938). Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury.

Karr, E. H. (1990). *Istoriya Sovetskoj Rossii* [The History of Soviet Russia] (Vols. 1–14). (Book 1, Vols. 1–2: Bol'shevistskaya revolyuciya 1917–1923 [The Bolshevik Revolution]). Moscow: Progress. (In Russian)

Kosmach, V. A. (2014). Velikaya russkaya revolyuciya 1917–1922 goda i ee posledstviya: opyt sravnitel'no-istoricheskogo analiza [The Great Russian Revolution of 1917–1922 and its Consequences: An Attempt at Comparative Historical Analysis]. *Metamorfozy istorii*, 5, 391–423. (In Russian)

Lenin, V. I. (1969). Gosudarstvo i revolyuciya [The State and Revolution]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. (Vol. 33, pp. 1–120). Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. (In Russian)

Lenin, V. I. (1970). Novye vremena, starye oshibki v novom vide [New Times and Old Mistakes in a New Guise]. In V. I. Lenin, *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete Works]. 5th ed. (Vol. 44, pp. 101–109). Moscow: Izd-vo politicheskoy literatury. (In Russian)

Marchenya, P. P. (2012). Bessmyslennost' i smysl Russkoj revolyucii: Fevral' i Oktyabr' v istorii Rossii [The Meaninglessness and Meaning of the Russian Revolution: February and October in the History of Russia]. In P. P. Marchenya, & S. Yu. Razin, *Rossiya i revolyuciya: proshloe i nastoyashchee sistemnykh krizisov russkoj istorii*: sb. nauch. st. [Russia and the Revolution: The Past and Present of the Systemic Crises of Russian History] (pp. 194–219). Moscow: OOO «APR». (In Russian)

Marchenya, P. P. (2015). Krest'yanskoe soznanie kak dominanta Russkoj revolyucii [Peasant Consciousness as the Dominant of the Russian Revolution]. *Nauchnyj dialog*, 12 (48), 303–315. (In Russian)

Medushevskij, A. N. (2017). Prichiny i krushenie demokraticheskoj respubliki v Rossii 1917 goda [The Reasons and the Collapse of the Democratic Republic in Russia in 1917]. *Otechestvennaya istoriya*, 6, 3–27. (In Russian)

Men'kovskij, V. I. (Ed.). (2009). *Sovremennaya rossijskaya istoriografiya* [Modern Russian Historiography] (Pts. 1–2). (Pt. 1). Minsk: RIVSH. (In Russian)

Minz, I. I. (1977–1979). *Istoriya Velikogo Oktyabrya* [The History of Great October] (Vols. 1–3). 2nd ed. Moscow: Nauka. (In Russian)

Mironov, B. N. (2012). *Blagosostoyanie naseleniya i revolyucii v imperskoj Rossii XVIII – nachala XX veka* [The Welfare of the Population and the Revolution in Imperial Russia between the 18th and Early 20th Centuries]. Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Mironov, B. N. (2013). *Strasti po revolyucii: nravy v rossijskoj istoriografii v vek informacii* [Passion for the Revolution: Mores in Russian Historiography in the Information Age]. Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Mironov, B. N. (2014). *Rossijskaya imperiya: ot tradicii k modernu* [The Russian Empire: From Tradition to Modernity] (Vols. 1–3). St Petersburg: Dmitrij Bulanin. (In Russian)

Narskij, I. V. (2001). *Zhizn' v katastrofe: Budni naseleniya Urala v 1917–1922 gg.* [Life in a Catastrophe: Everyday Life of the Urals between 1917 and 1922]. Moscow: ROSSPEN. (In Russian)

Narskij, I. V. (2016). *Kogda i chem zakonchilas' revolyuciya na Urale, ili Byl li NEP v regione?* [When and how did the Revolution in the Urals End, or Was there NEP in the Region?]. In O. S. Porshneva, & L. N. Mazur (Eds.), *1917 god v Rossii: socialisticheskaya ideya, revolyucionnaya mifologiya i praktika*: sb. nauch. tr. [1917 in Russia: Socialist Idea, Revolutionary Mythology and Practice] (pp. 280–287). Yekaterinburg: Ural University Press. (In Russian)

Nefedov, S. A. (2009). *Agrarnye i demograficheskie itogi russkoj revolyucii* [The Agrarian and Demographic Results of the Russian Revolution]. Yekaterinburg: Izd-vo UGGU. (In Russian)

Obertreiss, J. (2004). *Tränen des Sozialismus. Wohnen in Leningrad zwischen Alltag und Utopie, 1917–1937*. Köln: Böhlau Verlag.

Pipes, R. (1993). *Rossiya pri starom rezhime* [Russia under the Old Regime]. Moscow: Nezavisimaya gazeta. (In Russian)

Pipes, R. (2005). *Russkaya revolyuciya* [The Russian Revolution] (Vols. 1–2). Moscow: Zakharov. (In Russian)

Plaggenborg, S. (1996). *Revolutionskultur. Menschenbilder und kulturelle Praxis in Sowjetrußland zwischen Oktoberrevolution und Stalinismus*. Köln: [u. a.].

Ponomarev, B. N., & Khvostov, V. M. (Eds.). (1966–1980). *Istoriya SSSR s drevnejshih vremen do nashih dnei* [The History of the USSR from Ancient Times to the Present Day] (Vols. 1–12). (Vols. 7–9). Moscow: Nauka. (In Russian)

Sanborn, J. (2003). *Drafting the Russian Nation: Military Conscription, Total War, and Mass Politics, 1905–1925*. DeKalb: Northern Illinois University Press.

Scott, J. (2005). *Blagimi namereniyami gosudarstva. Pochemu i kak provalivalis' proekty uluchsheniya chelovecheskoj zhizni* [The Good Intentions of the State. Why and How Projects to Improve Human Life Failed]. Moscow: Universitetskaya kniga. (In Russian)

Semennikova, L. I. (2000). *Rossiia v mirovom soobshchestve civilizacii* [Russia in the World Community of Civilisations]. Bryansk: Kursiv. (In Russian)

Semennikova, L. I. (2015). V poiskah teoreticheskikh instrumentov: sovetskij proekt [In Search of Theoretical Tools: The Soviet Project]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, 2, 3–15. (In Russian)

Shanin, T. (1997). *Revoljuciya kak moment istiny. Rossiya 1905–1907–1917–1922 gg.* [Revolution as a Moment of Truth. Russia 1905–1907–1917–1922]. Moscow: Ves' mir. (In Russian)

Vert, N. (1998). *Istoriya sovetskogo gosudarstva. 1900–1991* [The History of the Soviet State. 1900–1991]. 2nd ed. Moscow: INFRA-M. (In Russian)

Volkogonov, D. A. (1994). *Lenin: politicheskij portret* [Lenin: Political Portrait] (Books 1–2). Moscow: Novosti. (In Russian)

Volobuev, P. V., & Buldakov, V. P. (1996). Oktyabr'skaya revolyuciya: novye podhody k izucheniyu [The October Revolution: New Approaches to Studying]. *Voprosy istorii*, 5–6, 28–38. (In Russian)

Yarov, S. V. (2006). Konformizm v Sovetskoj Rossii: Petrograd 1917–1920-h godov [Conformism in Soviet Russia: Petrograd between 1917 and the 1920s]. St Petersburg: Evropejskij dom. (In Russian)

Received on 25 June, 2017